

ВЕНГЕРСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО XI—XIII ВЕКОВ

М. А. Павлушкова

Вопрос о формировании венгерского крестьянства в самостоятельный класс феодального общества нуждается в исследовании. Такое исследование в значительной мере осложнено малочисленностью источников. Кроме того, до сих пор остается нерешенной проблема этногенеза венгерского народа, впервые появившегося в Центральной Европе к концу IX века.

Чтобы вскрыть истинные причины своеобразия развития венгерского крестьянства и опровергнуть различного рода фальсификации буржуазно-националистического толка, необходимо изучать характер повинностей и правовое положение этого крестьянства в период феодализации. Свообразие венгерского крестьянства определилось прежде всего тем, что оно складывалось в самостоятельный класс феодального общества на основе государственной феодальной собственности на землю. Поэтому в раннефеодальный период все подданные венгерского государства, за исключением королевских чиновников и духовенства, находились на положении поземельно зависимого населения. Несмотря на общность такого основного признака, как отсутствие свободной крестьянской собственности на землю, венгерское крестьянство было раздроблено на целый ряд различных категорий: сервы, вольноотпущенники, «свободные» (замковые люди), а также удворники, конюхи, свинопасы, рыбаки, виноградари и т. п. Совершенно очевидно, что дробление крестьянства на категории сервов, вольноотпущенников и «свободных» было результатом различия в степени их личной зависимости, тогда как деление на конюхов, свинопасов, рыбаков, виноградарей и т. п. являлось следствием различной трудовой специализации этих категорий. Для того, чтобы, несмотря на крайнюю скудость материала источников, удалось представить положение венгерского крестьянства в ранний период его истории, необходимо проделать анализ его повинностей и правового положения.

Источники указывают на отсутствие собственности на землю не только у сервов и вольноотпущенников, но и у замковых людей, находившихся в судебной зависимости от замковой администрации. К такого рода свидетельствам относятся прежде всего случаи пожалований и продажи земли вместе с сидящими на ней вольноотпущенниками¹, удворниками² и замковыми людьми³. Отсутствие собственности на землю у всех вышеперечисленных категорий крестьянства ставило их в положение феодальной зависимости.

Монополярная собственность государства на землю определила также и то обстоятельство, что в Венгрии XI—XIII вв. большая часть феодальной ренты собиралась в виде государственных налогов и судебных штрафов военно-административными и судебными чиновниками, назначаемыми

¹ «Documente privind Istoria Romaniei». Veacul: XI, XII și XIII. C. Transilvania. Vol. I Editura Academiei republicii populare romane. 1951. № 329; G. Wenzel. Codex Diplomaticus Arpadianus continuatus (Monumenta Hungariae Historica). Budapest. 1860—1874. T. VI, p. 173; t. VII, p. 245; t. XI, p. 458, 463; t. XIII, p. 15 (далее G. Wenzel. C. D. cont.).

² Там же. Т. IX, стр. 20, 255, 259; т. X, стр. 60; т. XI, стр. 224; т. XIII, стр. 300, 347.

³ Там же. Т. VI, стр. 210; т. IX, стр. 53, 197, 282; т. XII, стр. 61, 67, 190, 227; т. XIII, стр. 190—191.

королем. Вследствие этого первоначально повинности крестьянства были мало дифференцированы. Так, все простые лично свободные члены общества платили одинаковые судебные штрафы и налоги, а также исполняли повинности, связанные с «кормлением» государственных чиновников, их постоем, наряду с налогами за землю, воду, траву, хворост и т. п.⁴ Участие в ополчении, строительство и ремонт дорог, мостов и укреплений также были обязанностью всех свободных жителей страны.

Налоги взимались с помощью целой армии государственных чиновников, опиравшихся на небольшие гарнизоны, которые жили в укреплениях — замках, являвшихся центрами округов. Монопольная собственность государства почти на всю землю позволила королевской власти укрепить все население страны за гарнизоны. Уже в начале XI в. король Стефан I Святой (997—1038) издал закон, прикреплявший воина к его начальнику. «Желаем, — гласит закон, — чтобы каждый начальник имел своего воина. И пусть никто не внушает ему (воину), чтобы он перешел к нему, покинув прежнего начальника. Ведь отсюда возникают споры и ссоры»⁵.

Преемники Стефана не ограничились прикреплением низших слоев дружины к своим начальникам: в конце XI в. в законах короля Ладислава I (1077—1095) имеется предписание задерживать и возвращать прежнему начальнику не только тех, кто служит графу, но и тех, кто служит представителям замковой администрации⁶, и предписывалось задержанных ештек и сервов представлять на королевский суд. «Öwögk» — стражники были тождественны лично свободным жителям замкового округа, которые с разорением утратили возможность вооружаться на собственный счет и уже к концу XI в. перестали участвовать в ополчении, исполняя только функции по охране замков и крепостей. О таком же прикреплении лично свободных жителей замковых округов совершенно недвусмысленно говорится в законах короля Кальмана (1095—1114)⁷.

Таким образом, уже к концу XI в. прежде лично свободные жители замковых округов оказались прикрепленными к своему округу и получили название «людей замка» (*castrenses*). Первоначально это прикрепление было совершено в целях обеспечения постоянного исполнения ими своих воинских обязанностей. Но уже в конце XI в., когда участие в ополчении замковых людей было заменено налогообложением, основной целью прикрепления стало внеэкономическое принуждение для получения различного рода налогов и повинностей со свободных членов общества. Основным орудием внеэкономического принуждения были те судебные функции, которыми располагали высшие чины замковой администрации. Первый случай освобождения жителя замкового округа из-под юрисдикции замка имел место лишь через 70 лет после прикрепления замковых людей, в 1162 году⁸.

Впервые повинности этих «свободных» были сформулированы в законах Кальмана. Эти повинности заключались в исполнении различного рода связанных с разъездами поручений короля и его графов. «Свободные» должны были предоставлять коня для гонцов короля, герцога или наместника, когда они прибудут в округ⁹. Кроме того, люди замка должны были нести натуральные повинности, впервые перечисленные при заселе-

⁴ G. Fejér. Codex Diplomaticus Hungariae civiles ac aeclesiasticus. T. II. Buda. 1829, p. 329 (далее G. Fejér. C. D.).

⁵ S. Stephani regis decretorum, liber I, c. 23, 25 (далее S. Steph. decr., lib.); S. Endlicher. Rerum Hungaricarum Monumenta Arpadiana. Sangalli. 1849, p. 320 (далее S. Endlicher. Mon. Arp.).

⁶ S. Ladislai regis decretorum, liber III, c. 2 (далее S. Lad. decr., lib.); S. Endlicher. Mon. Arp., p. 343.

⁷ Decretum Colomanni regis I, c. 41 (далее Decr. Colom.); S. Endlicher. Mon. Arp., p. 365.

⁸ G. Fejér. C. D. T. II, p. 164.

⁹ Decr. Colom. I, c. 36, 38.

нии северо-западных областей страны в 1257 году. Согласно предписанию Белы IV, замковые люди этих мест должны были уплачивать «за свободу», помимо денариев, также одного быка, 40 кур и 20 око овса¹⁰; кроме того, каждые 40 дворов должны были снарядить и отправить в войско одного вооруженного всадника¹¹. Однако эти области заселялись вновь, и возможно, что вышеперечисленные повинности были меньше тех, которые несли замковые люди, не имевшие особых льгот. Повинности замковых людей в основном сохраняли свой характер и после того, как они вместе с землей передавались во владения сначала церкви, а позже светским феодалам. Такая передача оказалась возможной после прикрепления замковых людей.

До 1092 г., когда жители замковых округов были закреплены за своими замками в законодательном порядке, они продолжали еще называться свободными воинами. При учреждении Шомодварского монастыря в 1091 году Ладислава I наряду с 300 сервами передал в услужение монастырю 100 человек таких свободных воинов. Но уже в середине XII в. в подложной грамоте, изготовленной до 1158 г., для подтверждения владений Пейчского монастыря воины, на обязанности которых находилась охрана монастыря, носят название конных слуг¹². Воины, имевшие собственных коней и исполнявшие с их помощью различные поручения, оказались в наиболее привилегированном положении по сравнению с другими категориями зависимых крестьян. Поэтому по аналогии с названием лиц, наиболее близко находившихся к замковой администрации — *iobagiones castri*, их стали называть *iobagiones ecclesiae*. На службе у монастырей прежние замковые люди продолжали находиться в том же зависимом положении. Они попрежнему лишены были права перехода. Так, в 1181 г. король Бела III предписал, чтобы монастырю, учрежденному графом Кульчаи на реке Самош, были возвращены бежавшие *iobagiones*¹³. Тем не менее, они продолжали считаться лично свободными¹⁴. Некоторые *iobagiones* могли иногда приобретать землю и свободно ею распоряжаться, не уплачивая монастырю за приобретенную землю никаких налогов.

Однако подобные указания на «свободную» земельную собственность *iobagiones* встречаются очень редко. Как правило, обрабатываемые ими земельные наделы не считались их собственностью. Так, опись владений аббатства Тихань свидетельствует о наличии в собственности монастыря в деревне Белед 28 *iobagiones* и 5 плугов земли¹⁵. Если предположить, что эти *iobagiones* имели свои наделы, помимо указанных 5 плугов земли, то непонятно, кем обрабатывались эти 5 плугов земли, принадлежавшие монастырю в той же деревне, так как по описи там не числилось никаких других крестьян. Привилегированное положение *iobagiones* заключалось также в том, что они имели возможность выкупиться и получить право свободного перехода¹⁶. Та относительная свобода, которой обладали *iobagiones*, ставила их в положение, более привилегированное, чем положение всех остальных зависимых крестьян. Поэтому в источниках можно встретить указания на злоупотребление *iobagiones* своим преимуществом. Нередко они отнимали у соседних крестьян землю¹⁷, грабили их имущество¹⁸ и т. п.

¹⁰ Око — мера веса = 1200 граммам.

¹¹ G. Wenzel. C. D. cont. T. VII, p. 280—281; cp. Regestrum de Varad № 206; S. Endlicher. Mon. Arp., p. 680.

¹² G. Fejér. C. D. T. I, p. 269; cp. I. Szentpétery. Az árpadházi királyok oklevéleinek kritikai jegyzéke; kötet I, füzet I. Budapest. 1923, o. 3—4.

¹³ Там же. Т. I, стр. 43.

¹⁴ G. Wenzel. C. D. cont. T. VII, p. 1—26.

¹⁵ Там же. Т. VI, стр. 106.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Regestrum de Varad, №№ 156, 179, 254, 321, 379, 380.

¹⁸ Там же, № 42.

О происхождении монастырских *iobagiones* из замковых людей свидетельствует почти полное тождество повинностей тех и других. Подобно замковым людям, *iobagiones* уплачивали десятину церкви и все государственные налоги, от которых не был освобожден их монастырь¹⁹. Кроме того, они должны были служить на собственных конях и сопровождать аббата, декана или гонцов аббата в пути; они пользовались в пути правом постоя вместе с монахами, в свите которых находились, но должны были за собственный счет содержать своих коней. Если же их самих посылали с поручением, они должны были содержать на собственные средства как себя, так и своих коней²⁰. Таким образом, повинности *iobagiones* церкви только тем отличались от повинностей замковых людей, что последние исполняли различные поручения с путевыми издержками за счет короля²¹. Однако при сравнении нужно учитывать, что часто крестьяне монастырских владений получали освобождение от таких повинностей, как рыночные и мостовые пошлины²², налог на воду, траву, хворост, постоя и т. п.²³.

Но освобожденные от налогов монастыри облагали своих крестьян новыми повинностями и платежами. Так, кроме обязанности сопровождать аббата и исполнять различные поручения, каждый *iobagio* Паннонхольмского монастыря должен был на своей телеге и с помощью тягловой силы своего скота отвезти бочку монастырского вина из округов Шоммодь и Зала на монастырский склад. Каждый двор должен был также во время сенокоса накосить два воза сена для монастыря, один день собирать сено и один день свозить его. В праздник святого Мартина они должны были давать монастырю от каждого двора по одному ведру зерна и пива и со-обща от всех дворов одного молодого бычка, ежегодно поставлять монастырю одного трехлетнего быка, возить на собственных телегах, запряженных их тягловым скотом, камни для монастырских построек и т. п.²⁴.

В положении, близком к положению *iobagiones*, находился также ряд категорий зависимых крестьян, повинности которых были связаны с наличием в их собственности коня. В XI в. все свободные, имевшие коней, принимали участие в ополчении; это были специальные королевские слуги, являвшиеся потомственными вестниками, конюхами, псарями, сокольничьими и т. п. В грамотах XIII в. часто упоминаются находившиеся в королевской свите магистры конюхов, виночерпиев, стольников и кладовщиков. В Венгрии того времени имелись целые деревни такого рода специальных слуг²⁵. Такие же слуги были во владениях церковных и светских феодалов. Особенно часто они упоминаются среди зависимых крестьян монастырских владений XIII века. Но характер их повинностей сильно изменяется. Правда, попрежнему имеются конные слуги, которые должны были с помощью своих коней исполнять различные поручения аббата, но при этом аббат должен был оплачивать содержание их коней²⁶. Наряду с ними возникают новые профессии дароносцев²⁷, которые должны были предоставлять аббату хороших коней и соответствующие повозки²⁸.

С течением времени, когда феодалы стали увеличивать повинности крестьян, конным слугам было предписано выполнять те же работы, какие

¹⁹ G. Wenzel. C. D. cont. T. XX, p. 108.

²⁰ Там же. T. VII, стр. 1—26.

²¹ См. Decr. Colom. I, с. 36, 38.

²² См. G. Fejèr. C. D. T. I, p. 428.

²³ G. Wenzel. C. D. cont. T. XX, p. 108.

²⁴ Там же. T. VII, стр. 1—26.

²⁵ См., например, G. Wenzel. C. D. cont. T. VII. p. 1—26.

²⁶ Там же. T. XI, стр. 538—544.

²⁷ Под словом «дароносцы» в Венгрии XIII в. подразумевались крестьяне монастырских владений, обязанные с помощью своих коней и повозок обеспечивать перевозку дорожной капеллы аббата.

²⁸ G. Wenzel. C. D. cont. T. XI, p. 538—544.

налагались на *iobagiones*²⁹. Однако при более точном определении повинностей оказывается, что конные слуги выполняли несколько более тяжелых повинностей. Так, при определении повинностей зависимых крестьян аббатства Баконь-Бейль в 1256 г. было указано, что *iobagiones* (свободные), помимо своих обычных повинностей, обязаны были нести барщину 3 дня в году, в то время как конные слуги работали на барщине 9 дней. При этом конные слуги имели право брать себе жен везде, где крестьяне выдавали девушек замуж в чужую деревню³⁰.

В середине XIII в., когда повсеместно укрепилось право дочерей на четвертую часть земельного наследства, свободный выбор конными слугами себе жен означал возможность для них приобретать на стороне землю, которая не попадала в собственность их господина. Это значит, что они приближались по своему положению к *iobagiones* и благодаря наличию коней пользовались относительной свободой. Но из-за отсутствия в Венгрии совершенно свободной аллодиальной земли ни *iobagiones*, ни конные слуги не могли полностью освободиться от поземельной зависимости. Приобретенная ими земля облагалась, повидимому, казной в соответствии с тем, что обязаны были платить государству прежние владельцы этой земли.

К началу XIII в. в среде прежних конных слуг наблюдалось значительное расслоение. Специально выделяются две категории *iobagiones*: конные (*equestres*)³¹ и *iobagiones*, повидимому, утратившие своих коней, так как на них возлагалась повинность «ходить по поручениям в качестве посыльных»³². В тесной связи с разорением «свободных» крестьян, имевших прежде в собственности лошадей, находится и то обстоятельство, что венгерские феодалы в XIII в. предпочитали передавать лучшие земли поселенцам-колонистам, сгоняя с этих земель их прежних владельцев, *iobagiones*³³. Поселения колонистов приносили значительно больший доход по той причине, что поселенцы привлекались в страну на льготных условиях, будучи освобождены от наиболее тяжелых государственных обложений. При этом в качестве одной из льгот все поселенцы получали право свободного перехода и одновременно право свободного распоряжения своим имуществом³⁴. Если все другие льготы поселенцев специально оговаривались в королевских грамотах, то право свободного перехода считалось их неотъемлемой привилегией, установленной еще в законах Стефана I³⁵ и подтвержденной в Золотой булле Андрея II в начале XIII века³⁶.

Другой обширный слой венгерского крестьянства составляли так называемые удворники.

Когда в источниках XI—XII вв. речь идет об удворниках, во всех без исключения случаях говорится о том, что они принадлежат королю или королеве. Рядом с этим названием часто употреблялось также выражение *populi nostri* (наши люди). Это обстоятельство дает право утверждать, что, подобно тому, как под словом «*castrenses*» имелись в виду жители замковых (королевских) округов, в случае необходимости участвовавшие в ополчении, удворниками называли тех лиц, которые снабжали всем необходимым прежде всего королевский двор, а затем и королевских чиновников, живших в замках. Основная обязанность удворников по обес-

²⁹ Там же. Т. VII, стр. 1—26.

³⁰ *Pannonhalmi rent története*, VIII. Пример взят из книги J. Acsády, A. Magyar jöbbség története. «Szikra». Budapest, 1950, с. 84. История венгерского крепостничества, изд. «Искра».

³¹ G. Wenzel. C. D. cont. T. VII, p. 1—26.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ S. Endlicher. Mon. Arp., p. 406, с. 4; p. 423, с. 16; p. 435, с. 6.

³⁵ См. S. Steph. decr., lib. I, с. 24.

³⁶ S. Endlicher. Mon. Arp., p. 415, с. 19; p. 432, с. 27.

печению королевского двора всем необходимым сохранилась почти без изменения вплоть до конца XII века. В описи королевских доходов, составленной в царствование короля Бела III (1172—1196 гг.), после перечисления всех источников дохода и в том числе тех, которые король получал с замковых округов от своих графов, сказано, что население страны снабжает короля полным довольствием³⁸.

В XIII в., когда венгерские короли начали щедро раздавать домениальные земли, значительная часть удворников попала под власть монастырей. В описях монастырских владений нашли свое отражение повинности удворников. В целом они сохранили характер продуктовых поставок. Согласно описи Паннонхольмского монастыря, монастырские удворники должны были в течение шести месяцев, начиная со времени сбора нового урожая, платить с каждого двора из своей собственной муки 130 око пшеничной, 40 ржаной и 170 всякого другого зерна. В течение других шести месяцев они должны были свезти 170 око из урожая монастыря на мельницу, смолоть их и отвезти обратно в монастырские амбары. Их совместной обязанностью была также ежемесячная поставка монастырю 20 око муки двойного помола из монастырского зерна.

Кроме того, все удворники совместно предоставляли в распоряжение монастыря подводу с тягловым скотом для доставки муки аббату и монахам всякий раз, как им надо было отправляться в путь по делам церкви, ко двору короля и т. п., доставляли дрова и воду для кухни, бани и хлебной печи, ремонтировали скотный двор и сторожили его ворота. Монастырь же во время исполнения удворниками вышеперечисленных работ обязывался предоставлять им питание в течение месяца. Каждый двор должен был давать ежегодно монастырю 300 яиц, 8 кур, 4 гусей, 2 ягнят, ведро зерна, ведро пива, 3 воза дров и нити для изготовления невода, вместе с буханкой печеного хлеба для людей, плетущих сети в монастырской усадьбе. Помимо этого, все дворы сообща давали ежегодно одного бычка и 30 хлебов.

Несколько отличными были повинности тех удворников, которые «пасли скот». Каждый из них должен был в течение месяца еженедельно поставлять в монастырь 3 воза дров, ремонтировать печи, стеречь ворота и принимать участие в уходе за монастырским садом. В то время как большинство удворников Паннонхольмского монастыря обязано было совместно вспахать по 10 югеров на каждый двор и засеять их монастырским зерном, удворники «пасущие скот», должны были предоставлять в распоряжение аббата всякий раз, как он отправлялся в путь, подводу с лошадыю для перевозки хлеба аббата³⁹. Однако это едва ли значит, что «пасущие скот» удворники вели кочевой образ жизни или что их повинности были более легкими, чем повинности остальных удворников. Вероятнее предположить, что в описи для «пасущих скот» удворников указаны были их дополнительные повинности; все же остальные повинности пастухи, видимо, обязаны были выполнять наряду со всеми остальными удворниками. Так как основная повинность удворников заключалась в поставке нескольких сотен око муки, надо полагать, что «пасущие скот» удворники должны были заниматься земледелием, чтобы добыть столь значительное количество зерна.

Когда же монастырь стал увеличивать интенсивность эксплуатации крестьян, некоторые из удворников, сосредоточившие в своих руках значительное количество скота, оказались в несколько более привилегированном положении. Монастыри не могли не учитывать того, что некоторые члены семей этих удворников выгоняли скот на дальние луга и жили там в течение всего сезона летних работ. В то же время повинности осталь-

³⁸ S. Endlicher. Mon. Arp., p. 246.

³⁹ G. Wenzel. C. D. cont. T. XI, p. 437—439.

ных удворников монастыря были сильно увеличены тем, что на них было возложено несение барщины.

Впервые о барщинной повинности удворников говорится в грамоте наместника от 1226 года⁴⁰. А в 1233 г. шесть семей удворников деревни Ториан жаловались, что аббат превратил их в пахарей (*aratores*), и просили вернуть их к исполнению прежних повинностей⁴¹. Но в описи зависимых крестьян Паннонхольмского монастыря, составленной в период между 1234 и 1270 г., указано, что удворники снова исполняли барщину⁴².

Наряду с крестьянами, которые снабжали продуктами земледелия двор своего господина и назывались поэтому удворниками, существовало множество крестьян самых разнообразных профессий, как то: пахари, виноградари, рыбаки, пекари, повара, поставщики меда, пива, хлеба и т. п., ремесленники, золотых дел мастера, колесники, кузнецы и пр. Если считать, что все они ничем больше не занимались, то каким образом люди этих специальностей могли нести монастырю наряду с повинностями, связанными с их профессией, «все другие виды повинностей, общие для крестьян их деревни»? В описи говорится о выполнении общих повинностей людьми всех специальностей, кроме тех, которые назывались вестниками и исполняли различные поручения аббата. Впервые выражение «*omnia communia servicia*» встречается в описи сразу же после перечисления повинностей удворников и, повидимому, относится именно к этим повинностям⁴³. Это значит, что повара, кладовщики, ремесленники и прочие должны были, подобно удворникам, поставлять муку, мясо, яйца, птицу и т. п. — положение вещей, естественное при слабом разделении земледелия и ремесла.

Таким образом, анализ повинностей позволяет выделить обширный слой венгерского крестьянства, состоявший не только из удворников, но и из крестьян, группы которых определялись по названию профессий. Крестьяне, находившиеся на положении удворников, не были лишены личной свободы, подобно сервам. Однако они не обладали и теми привилегиями, которыми были наделены *iobagiones* церкви.

Как удворники, так и все перечисленные выше категории крестьян могли также выступать с исками в суде⁴⁴. Специально для решения дел удворников была установлена государственная должность при особе короля. Удворники могли обращаться непосредственно к королю и наместнику⁴⁵. Тем не менее уже в первом письменном памятнике Венгрии имеется указание на то, что удворники были неравны в правах со свободными. Удворники не могли выступать в качестве свидетелей по делам свободных⁴⁶. Однако, если удворник совершал кражу, его судили не как серва, а «по закону свободных»⁴⁷. Это значит, что уже в начале XI в. удворники находились в ином правовом положении, чем простые свободные. Так как и свободные крестьяне, и удворники находились в XI в. в одинаковой земельной зависимости, то различие в их правовом положении объясняется, видимо, имущественным неравенством этих категорий. Анализ повинностей удворников позволяет сделать вывод, что эти повинности могли выполняться и без наличия лошади, с помощью тягловой силы быков, тогда как повинности *castrenses* и *iobagiones* — участие в конном ополчении и исполнение поручений, связанных с дальними разъездами, — требовали обязательного наличия коня. Отсутствие коня не позволяло удвор-

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Т. XI, стр. 538—544.

⁴² Там же. Т. VII, стр. 1—26.

⁴³ См. там же.

⁴⁴ Там же. Т. VI, стр. 260; т. VII, стр. 259; т. VIII, стр. 262; т. IX, стр. 30; т. XIII, стр. 400—401.

⁴⁵ I. Szentpétery. Указ. соч. Т. I, стр. 28—29.

⁴⁶ S. Steph. decr., lib. II, c. 21.

⁴⁷ Там же.

никам участвовать в ополчении; именно в связи с этим они и были ограничены в правах.

Характерно, однако, что в то время как в источниках конца XI в. содержится ряд указаний на прикрепление *castrenses* и на их частые побеги, относительно побегов и прикрепления удворников в источниках не содержится никаких сведений. По всей вероятности, не было необходимости прикреплять удворников к земле, так как права всякого лишившегося лошади человека автоматически ограничивались, когда он утрачивал возможность участвовать в ополчении. Вся земля в Венгрии XI—XII вв. являлась собственностью государства, и правовое положение безлошадного крестьянина было везде одинаковым. Удворники поэтому не часто решались покидать насиженные места. Больше того, сгон их с насиженных мест был самым тяжким для них наказанием. Так, желая наказать непокорных удворников, возражавших против передачи их в собственность Паннонхольмского аббатства, король Гейза II распорядился в 1151 г. согнать их с земли⁴⁸.

В венгерском обществе на ранней стадии феодализма еще имело место патриархальное рабство. Рабы жили в собственных домах, вели свое хозяйство, и, как следует из законов Стефана I Святого, их зависимость выражалась только в уплате требуемого с них количества продуктов⁴⁹ и юридической неравноправности, запрещавшей рабам выступать в качестве свидетелей по делам свободных⁵⁰, прикреплявшей рабов к их месту жительства⁵¹, не допускавшей браков между свободными и рабами⁵² и т. п. С усилением имущественного неравенства рабами все чаще становились крестьяне, разорившиеся и не имевшие поэтому собственного хозяйства. Случаи обращения свободных в рабство имели место уже в начале XI в., превратившись к концу века в самый распространенный вид наказания.

Для лично свободных крестьян-земледельцев, обрабатывавших землю собственными силами и составивших в XI в. большую часть общества, было затруднительным добыть новый плуг или скот для устройства отдельного хозяйства вновь приобретенному рабу, не имевшему собственного хозяйства. Поэтому таких рабов предпочитали продавать за границу. С учащением случаев закабаления свободных продажа их за границу настолько распространилась, что в конце XI в. король Кальман издал указ, запрещавший продавать за пределы страны венгров или тех, кто был рожден в Венгрии, за исключением таких рабов, которые не знали венгерского языка⁵³.

Этот закон служит свидетельством того, что к концу XI в. в процессе феодализации венгерского общества резко возросла заинтересованность феодалов в крепостном труде, в результате чего категория рабов превратилась в категорию лично зависимых крестьян-сервов. Значительные массы сервов сосредоточились в собственности церкви. Этому способствовал закон, изданный в начале 90-х годов XI в. Ладиславом I. Согласно этому закону, свободный, совершивший воровство, мог найти убежище в церкви, но за это становился сервом церкви⁵⁴. Характерно, что если в первых жалованных грамотах церковным феодалам совсем нет упоминания о сервах, то начиная со второй половины XI в. о них упоминается в каждой грамоте.

Однако большого значения в крупных церковных владениях Венгрии труд сервов так и не приобрел. В переписи людей Дёмёшского пробства

⁴⁸ G. Wenzel. C. D. cont. T. VI, p. 60—61.

⁴⁹ S. Steph. decr., lib. I, c. 22.

⁵⁰ Там же, ст. 20.

⁵¹ Там же, ст. 25.

⁵² Там же, ст. 28—29.

⁵³ Decr. Colom. I, c. 77.

⁵⁴ S. Lad. decr., lib. III, c. 4, 5.

св. Маргариты, учрежденного в начале XII в., среди 762 дворов, составлявших 57 сел, не было ни одного серва⁵⁵. То же самое нужно сказать и относительно зависимого крестьянства Арадского капитула⁵⁶. Что же касается Тиханьского аббатства, то там в 1211 г. сервы составляли десять процентов всех крестьян⁵⁷ и только в Паннонхольмском аббатстве, согласно описи, составленной в период между 1234 и 1270 г., количество сервов увеличилось до 26%⁵⁸. Но и в Паннонхольме, как и в большинстве других крупных поместий, труд сервов использовался главным образом для возделывания виноградников. В то время как сервы-виноградари составляли 6,5% общего числа зависимых крестьян аббатства, сервы-пахари составляли всего лишь 2,5%. Остальные сервы (17%) использовались в основном в качестве дворни, обслуживавшей монастырское хозяйство. Это объясняется, видимо, тем, что труд сервов не был в достаточной мере производительным там, где требовалось применение сельскохозяйственных орудий. Но и при возделывании виноградников землевладельцы стремились по возможности заменять труд сервов трудом свободных.

Размеры повинностей сервов почти нигде не фиксированы. Только в начале XII в. синод Эстергомского архиепископства отмечал в одном из своих постановлений, что «сервы церквей, которые имеют собственных быков, платят своему магистру половину того урожая, который они получают с обрабатываемой ими земли; если же они пашут на быках, принадлежащих магистру, пусть платят ему две трети (урожая)»⁵⁹. Это значит, что в начале XII в. сервы не несли барщинных повинностей. Однако тяжелые условия издольщины и полное бесправие сервов подавляли в них всякую инициативу. Поэтому с середины XII в. имеются все более и более учащающиеся указания на случаи отпуска сервов на свободу⁶⁰.

Благодаря широко распространенному в XIII в. обыкновению передавать сервов церкви в качестве вольноотпущенников, обязанных нести различного рода натуральные, а нередко и денежные повинности, в описях церковных владений вольноотпущенники начинают встречаться довольно часто. При этом они почти полностью сливаются с основным слоем крестьянства, состоявшим преимущественно из удворников. Это слияние можно проследить прежде всего по характеру их повинностей, о которых в паннонхольмской описи сказано, что вольноотпущенники должны выполнять «все общие повинности, подобно прочим зависимым людям»⁶¹. Но правовое положение вольноотпущенников значительно отличалось от положения удворников. Вольноотпущенники попрежнему считались собственностью своих господ⁶². Они не имели права обращаться в королевский суд, могли выступать на суде только в качестве обвиняемых⁶³, да и то не сами, а через своих господ⁶⁴.

Как правило, повинности сервов не были определены. Поэтому нередко в грамотах встречаются указания на передачу, куплю и продажу сервов без указания размера их повинностей. Однако в XIII в. встречаются отдельные указания и на более четкое определение повинностей сервов. В паннонхольмской описи среди крестьян имения Ольшод перечислено 57 дворов сервов-виноградарей, которые, согласно предписанию аббата, должны были не только возделывать виноградники, но и выполнять все те повинности, какие возложены на других крестьян, и, кро-

⁵⁵ G. Fejér. C. D. T. II, p. 94.

⁵⁶ I. Szentpétery. Указ. соч. Т. I, тетр. I, стр. 61—66.

⁵⁷ G. Wenzel. C. D. cont. T. VI, p. 106.

⁵⁸ Там же. Т. VII, стр. 21—26.

⁵⁹ Synodus strigoniensis prior c. 63; S. Endlicher. Mon. Arp., p. 357.

⁶⁰ См., например, G. Fejér. C. D. T. II, p. 198; G. Wenzel. C. D. cont. T. VI, p. 62; Regestrum de Varad, №№ 142, 209, 341, 349, 353.

⁶¹ G. Wenzel. C. D. cont. T. VII, p. 7, 24.

⁶² Regestrum de Varad, №№ 211, 354.

⁶³ Там же, №№ 67, 266, 269.

⁶⁴ Там же, № 241.

ме того, они должны были «в зимнее время таскать на спине дрова к дому и усадьбе аббата, а также убирать его дом и двор»⁶⁵. Повидимому, в отличие от сервов-пахарей сервы-виноградари не имели в своем распоряжении никакой тягловой силы скота, если им приходилось таскать дрова на спине. Возможно, что они лишь недавно были переведены из разряда дворни на положение виноградарей.

Для характеристики положения сервов в XIII в. особенно показательными являются повинности сервов-свинопасов. В собственности Паннонхольмского аббатства к середине XIII в. было уже 10 сел таких сервов, в которых было 300 дворов. Каждые 2 двора должны были ежегодно давать монастырю одну хорошую, жирную свинью и 600 око доброкачественного зерна. Кроме того, они должны были рубить лес для изготовления тары и перевозить его через реку Капош вплоть до самой монастырской мельницы. Они должны были также два раза в год — зимой и весной — снабжать аббата всем необходимым. Ежегодно они давали на обувь монахам 60 козых кож. При этом их остальные повинности были подобны повинностям удворников села Химуд. Сравнение с удворниками показывает, что как имущественное, так и правовое различие между сервами и удворниками к середине XIII в. было не очень значительным.

К этому времени завершался процесс слияния многочисленных категорий крестьян в единый класс крепостных. Этим объясняется та неточность, которую можно встретить в XIII в. при определении прежде четко отграниченных категорий. Так, в паннонхольмской описи неожиданно встречается указание на то, что в имении Каралька монастырь имел 9 семей сервов-удворников. Эти удворники названы сервами, несмотря на то, что их повинности ничем не отличались от повинностей других удворников. В то же время упомянутые выше свинопасы, о которых в описи 1232 г. говорится как о сервах Паннонхольмского монастыря⁶⁶, при уточнении их повинностей в 1233 г. сервами уже не названы⁶⁷ и, судя по их повинностям, они скорее могут быть отнесены к удворникам. А при фиксации повинностей крестьян аббатства Баконь-Бейль ничего не говорится о социальном положении 36 крестьянских дворов, выполнявших работы, которые, судя по их неограниченности, могли налагаться только на сервов⁶⁸.

Таким образом, образование единого класса феодально-зависимого крестьянства происходило в процессе слияния самых разнообразных категорий крестьян, прежде различавшихся по их правовому и имущественному положению. В Венгрии такое приравнивание произошло уже к концу XIII века. Образование единого класса феодально-зависимого крестьянства было ускорено тем обстоятельством, что уже с XI в. даже лично свободные не имели права перехода и тем самым были отданы в полное распоряжение представителям замковой администрации. Массовые крестьянские восстания, не раз поднимавшиеся в течение XI—XII вв. против феодального гнета и закрепощения, были жестоко подавлены. Поэтому уже в начале XIII в. венгерское крестьянство оказалось настолько разоренным, что не было в состоянии не только принимать участие в ополчении, но и сопротивляться захватническим стремлениям знати и духовенства. В XIII в. имели место частые случаи перевода крестьян из лично свободного состояния в зависимое, что было тесно связано для них с увеличением повинностей. Так, в 1214 г. аббат монастыря Патцтух объявил, что двое крестьян, называвших себя воинами монастыря,

⁶⁵ G. Wenzel. C. D. cont. T. VII, p. 1—26.

⁶⁶ Там же. T. VI, стр. 168—169.

⁶⁷ Там же. T. XI, стр. 538—544.

⁶⁸ Pannonhalmi rendt története, VIII. Пример взят из книги J. Acsódy. Указ. соч., стр. 84.

являются на самом деле монастырскими конюхами⁶⁹. А в 1246 г. удворники монастыря Баконь-Бейль отказались от несения повинностей на том основании, что они принадлежат к категории *iobagiones*. Однако королевский суд не принял их сторону, постановив считать их удворниками⁷⁰. Имеются также указания на перевод крестьян из категории замковых людей на положение удворников в административном порядке. Так, в 1292 г. Паннонхольмский и Баконь-Бейльский монастыри получили в свое распоряжение удворников, переведенных из категории *iobagiones* еще во времена Белы IV⁷¹.

Все перечисленные случаи свидетельствуют о происходившем в XIII в. слиянии различных категорий венгерского крестьянства в единый класс. Одновременно совершалось расхищение крестьянских земель служилой знатью, что также способствовало закреплению крестьян. Буржуазные венгерские историки, стремясь затушевать классовые противоречия того времени, намеренно запутывали этот вопрос. Тот факт, что не только знать и духовенство, но и крестьянство требовали перевода отдельных крестьян в более зависимые категории, давал повод утверждать, будто виновником разорения и закрепощения венгерского крестьянства было оно само⁷². Действительно, в целом ряде случаев иски *castrenses*, требовавших перевода «свободных» в свою категорию, получали поддержку замковой администрации⁷³. Все же это не может служить доказательством того, что перевод крестьян в более зависимые категории производился с целью их закрепощения. Это были межкрестьянские тяжбы — главными истцами являлись сами *castrenses*; они предъявляли иск от своего имени, пользуясь только поддержкой замковой администрации⁷⁴.

Как правило, такого рода иски предъявлялись крестьянам, считавшим себя свободными⁷⁵. Так, в 1220 г. 9 крестьян из категории замковых людей объявили, что 6 крестьян другой деревни, «находясь с ними в одной сотне, должны нести равные с ними повинности». Когда же ответчики, поддержанные замковой администрацией, возразили, что они не принадлежат к этой сотне, будучи обязаны уплачивать денарии «за свободу», истцы были вынуждены отказаться от своего иска⁷⁶. Этот случай показывает, что подобного рода судебные тяжбы того времени были вызваны несоответствием повинностей различных ранее существовавших категорий крестьян с их имущественным положением в XIII веке.

Если прежде повинности различных категорий крестьянства были обусловлены тем, какие средства и орудия производства имелись в их собственности, то в XIII в. в результате обеднения большей части крестьян, которое выражалось в утрате многими из них лошадей, волов и т. п., различие между категориями стало стираться, и вместе с тем разграничение их повинностей потеряло смысл. Крестьянская община в силу круговой поруки оказалась вынужденной нести повинности за таких крестьян, которые, утратив имевшиеся у них орудия и средства производства, не могли сами нести повинности своей прежней категории. И, хотя почти ни в одном из дел подобного рода крестьянам не удавалось добиться перевода ответчиков в другую категорию, нельзя считать, что такие переходы не совершались постоянно. Однако это не может служить доказательством правильности точки зрения буржуазных историков относительно закрепощения одних категорий крестьян другими.

Таким образом, к середине XIII в. в Венгрии окончательно сложился

⁶⁹ S. Endlicher. *Mon Arp.*, p. 659. *Regestrum de Varad.* № 80.

⁷⁰ G. Wenzel. *C. D. cont.* T. VII, p. 190—191.

⁷¹ Там же. Т. X, стр. 60—62.

⁷² V. Homán és Gy. Székfü. *Magyar történet, kötöt I.* Budapest. 1935, o. 401

⁷³ См., например, *Regestrum de Varad.* №№ 147, 148, 206, 254.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же, стр. 705—706, № 254; ср. так же №№ 206, 276, 300, 367.

⁷⁶ Там же, стр. 691, № 206.

класс феодально-зависимого крестьянства, находившегося в поземельной и судебной зависимости. Отдельные сохранившиеся еще различия окончательно исчезли в конце XIII в., когда все крестьяне получили право свободного перехода. Буржуазная историография всячески превозносила этот «гуманный акт» Венгерского государства, игнорируя то обстоятельство, что этот закон был издан в интересах дворянства, стремившегося к перераспределению рабочих рук; крестьяне же попрежнему были прикреплены к земле, так как для того, чтобы перейти на другое место, надо было прежде всего иметь официальное разрешение местных властей сполна уплатить все налоги и выполнить все повинности, иметь возможность перевезти все свое имущество вместе с домом и обосноваться на новом месте⁷⁷. Такое положение крестьян очень сильно напоминало положение прежних *iobagiones*. Возможно, что именно поэтому венгерское зависимое крестьянство стало называться с начала XIV в. тем же словом — *jobbágság*.

Одновременно происходил процесс более четкого определения повинностей венгерского крестьянства. Повинности зависимых людей, которых короли передавали в распоряжение монастырей в течение XI в., совсем не были определены. Указывались только специальности передаваемых крестьян (пахари, виноградари, рыбаки, различные ремесленники и т. п.) и число дворов, поставлявших продукты хозяйства каждой из этих специальностей.

Для характеристики распространенной в Венгрии XI в. феодальной ренты интересные выводы можно сделать из сравнения учредительной грамоты Веспремского монастыря 1002 г. с той грамотой, которая была издана королем Кальманом в 1108 г. и имела целью подтверждение первой. Грамота 1108 г. представляла собою точную латинскую копию текста грамоты 1002 г., написанной на греческом языке; при этом было указано, что отмечены только те изменения, которые произошли во владениях монастыря за истекшие 106 лет⁷⁸. И действительно, новая грамота не вносила почти никаких изменений в перепись владений монастыря. Однако в отношении повинностей крестьян в ней содержался ряд существенных дополнений. Если в грамоте 1002 г. говорилось только, что в 9 селах передавались монастырю 60 свободных, 18 рыбаков, 7 ремесленников, 2 пчеловода и 7 лодочников⁷⁹, то в грамоте 1108 г. указывалось, что в одной из деревень имеются 54 двора крестьян, обязанных ежегодно поставлять монастырю 60 мер вина; другая деревня целиком состояла из пахарей и крестьян, поставлявших телеги и исполнявших «другие службы в пользу монастыря в соответствии с тем, что прикажет аббатисса». Другие села, как сказано дальше в грамоте, «также состояли из удворников и имели ту же свободу»⁸⁰. Это значит, что все вышеперечисленные крестьяне не были сервами. Тем не менее, их повинности в начале XI в. не были определены. По всей вероятности, они ограничивались размерами потребностей феодала. Прямое указание на неограниченность крестьянских повинностей в Венгрии XI в. имеется в учредительной грамоте аббатства Гран 1075 года. В этой грамоте жителям села Ковачи предписывалось исполнять все то, что потребует их новый господин⁸¹.

Более точное определение повинностей крестьян во владениях Веспремского монастыря в начале XII в. указывает на возникновение новых тенденций в деле получения ренты с крестьян. Эта тенденция была результатом того, что, уплачивая ренту продуктами, крестьяне имели некоторую возможность накапливать излишки продуктов, повышать свое материальное благосостояние и технику обработки земли. Развитие произво-

⁷⁷ См. J. Acsády. Указ. соч., стр. 90—91.

⁷⁸ G. Fejér, С. D. Т. II, р. 46.

⁷⁹ Там же. Т. I, стр. 280.

⁸⁰ Там же. Т. II, стр. 46.

⁸¹ Там же. Т. I, стр. 428.

дительных сил привело, таким образом, к увеличению продуктивности труда и к стремлению феодалов увеличить повинности крестьян. К. Маркс указывал, что на этой стадии развития появляется необходимость фиксировать повинности крестьян, подгоняемых «силой отношений вместо непосредственного принуждения и постановлением закона вместо плети»⁸². Однако фиксация повинностей в начале XII в. в подтверждение всепрямой грамоты была явлением исключительным. В более широких масштабах фиксация натуральных повинностей почти всех категорий зависимого крестьянства началась только в XIII в., когда, воспользовавшись ростом производительности труда крестьянского хозяйства, феодалы усилили эксплуатацию, что, в свою очередь, вызвало ожесточенное сопротивление крестьян.

Что же касается барщины, то она так и не получила в Венгрии широкого распространения. Правда, в начале XII в. имеются два случая упоминания барщинных повинностей⁸³. Возможно также, что в начале XII в. отработочные повинности налагались на провинившихся в качестве наказаний за нарушение церковных правил. Если в начале XI в. за работу в воскресный день законы предписывали конфискацию рабочего скота и орудий труда⁸⁴, то в начале XII в. за несоблюдение церковных правил, по законам Кальмана, нарушитель присуждался к отбыванию нескольких дней наказания⁸⁵. Нельзя считать, что этим наказанием было тюремное заключение, так как, если бы нарушители церковных правил карались тюремным заключением, то непонятен смысл следующего постановления Эстергомского синода, предписывавшего, чтобы тот, кто откажется исполнять наложенное на него наказание, был отлучен от церкви и чтобы священник не хоронил его около церкви⁸⁶. Поэтому можно думать, что в качестве наказания за нарушение церковных правил в начале XII в. стали употребляться различного рода отработки.

Указанием на распространение барщины в церковных имениях можно считать постановление Эстергомского синода, в котором предписывалось, чтобы «каждый аббат, заботясь... об имуществе монастыря, держал одного хорошо одетого и обученного монаха при двух плугах»⁸⁷. Можно было бы предположить, что каждый такой монах следил за работой двух пахарей, возделывавших домениальную землю монастыря. Однако подобное предположение несовместимо с другим постановлением того же самого Эстергомского синода, из которого следует, что в церковных поместьях даже сервы, независимо от наличия или отсутствия в их собственности рабочего скота, не несли барщины, но были издольщиками церкви⁸⁸. Что же касается пахарей, о которых часто говорится в грамотах, несомненно, как о зависимых людях, но не сервах, то и они не являлись барщинниками. В описях при перечислении пахарей, как правило, ничего не говорится о наличии домениальной земли, а там, где сказано, что церковь имела землю, площадь ее не соответствовала числу пахарей, способных ее обработать⁸⁹. К тому же надо отметить, что при составлении описи монастырских владений сначала переписывались все категории зависимых крестьян и лишь затем определялось количество земли, находившейся в собственности монастыря, причем перечень имен пахарей совсем не стремились давать рядом с указанием на размеры земли. Повидимому, пахари вовсе не обрабатывали домениальную землю монастыря, но, подобно другим категориям зависимого крестьянства,

⁸² К. Маркс. Капитал. Т. III. Госполитиздат. 1954, стр. 807—808.

⁸³ См. G. Fejér. C. D. T. II, p. 88.

⁸⁴ См. S. Steph. decr., lib. I, c. 8.

⁸⁵ Decr. Colom. II, c. 14. Synodus strigoniensis prior habita sub Colomanno rege, c. 7.

⁸⁶ Там же, ст. 9.

⁸⁷ Там же, ст. 87.

⁸⁸ См. выше, стр. 68.

⁸⁹ См. Fejér C. D. T. I, p. 428. I. Szentrétery. Указ. соч., Т. I, тетр. I, стр. 61—66.

обрабатывали свои наделы. Что же касается названия «пахари», то, по всей вероятности, они получили его, будучи обязанными расчистить и возделывать трудные для обработки земли монастыря, и потом продолжали сидеть на них, уплачивая церкви натуральную ренту и выполняя различные повинности по ремонту и перевозке, подобно другим зависимым крестьянам.

Следовательно, в ранний период венгерской истории отработочная рента не имела сколько-нибудь значительного распространения, в основном преобладала рента продуктами. Маркс рассматривал отработочную ренту как наиболее примитивную форму эксплуатации в таких условиях, в которых крестьянство занимается главным образом земледельческим трудом и рента продуктами земледелия является поэтому господствующим видом ренты. Иначе говоря, он имел в виду такие условия, при которых «земельная рента есть единственная господствующая и нормальная форма прибавочной стоимости или прибавочного труда; а это, в свою очередь, выражается в том, что она представляет единственный прибавочный труд или единственный прибавочный продукт, какой непосредственный производитель, в ладеющих условиях труда, необходимыми для его собственного воспроизводства, должен доставить собственнику того условия труда, которое в этом состоянии охватывает все, т. е. собственнику земли; и что, с другой стороны, только земля и противостоит ему как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельном собственнике»⁹⁰.

Анализ повинностей зависимых крестьян Венгрии XI—XIII вв. показывает, что наряду с продуктами земледелия крестьяне каждой деревни должны были давать своему господину одного или нескольких быков и выполняли большое количество всевозможных извозных повинностей с собственными подводами и лошадьми. При этом широко был распространен постой всевозможных королевских чиновников и церковных феодалов, получавших от населения все необходимое. Подобного же рода повинности имели место в ряде стран Востока.

Широко распространенное в Венгрии XI—XIII вв. животноводство наряду с виноградарством, рыболовством и пчеловодством определило преобладание ренты продуктами. Те виды отработочной ренты, которые имели место в Венгрии, также были тесно связаны с наличием большого количества скота, и в особенности лошадей (поручения, связанные с дальними разъездами, перевозками и т. п.). Несмотря на то, что земледелие являлось основным занятием большинства венгерских крестьян и продукты земледелия преобладали над продуктами животноводства, виноградарства, рыболовства и т. п., развитие земледельческого хозяйства тем не менее тормозилось в тех условиях экстенсивностью всех этих побочных отраслей хозяйства, отнимавших у крестьян-земледельцев значительную часть времени. И хотя уровень развития производительных сил венгерского общества заметно вырос в результате соприкосновения со славянским населением, дальнейшее развитие не могло продолжаться прежними темпами в значительной мере из-за того, что природные условия страны позволяли крестьянам заниматься наряду с земледелием другими отраслями хозяйства. Неразвитость же земледелия, как показал Маркс, определяла отсутствие отработочной ренты⁹¹.

Несмотря на отсутствие барщины, крестьянство Венгрии очень рано было прикреплено к земле. Однако буржуазный историк Хоман неправильно утверждал, что прикрепление венгерского крестьянства было вызвано необходимостью прекратить «исконное стремление венгров к кочевой жизни»⁹². На самом же деле прикрепление крестьян к земле имело

⁹⁰ К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 807.

⁹¹ См. там же, стр. 805.

⁹² V. Hóman és Gy. Székfü. Указ. соч. Т. I, стр. 318 и след.

целью получение ренты. Свидетельства источников показывают, что королевская власть стремилась добиться, чтобы пастухи регулярно платили налоги. Так, в 1093 г. был издан закон, согласно которому епископы получали десятину с тех стад, которые принадлежали владельцам, жившим в другом епископстве, и лишь паслись на пастбищах их епископства. При этом для того, чтобы иметь в качестве своих помощников при сборе этой десятины приходских священников, епископы должны были отдавать в их распоряжение четвертую часть собранного⁹³. Подобные постановления были вызваны тем обстоятельством, что учет продукции пастбищного животноводства был очень трудным. Этнографические данные свидетельствуют, что вплоть до XIX в. объем животноводческой продукции определялся с помощью особых церемониальных процедур при обязательном участии местного судьи⁹⁴.

Возможно, что сложность учета ренты, уплачиваемой продуктами животноводства, так же как и затруднительность взимания этого вида продуктовой ренты, поскольку стада скота не находились постоянно на одном месте и могли перемещаться даже из одной области в другую, явилась причиной того, что господствующий класс Венгрии еще в XI в. оказался заинтересованным в закреплении крестьян за определенными замковыми округами. Кроме того, господствующий класс был заинтересован в прикреплении свободных крестьян по той причине, что в XI в. большинство их принимало участие в ополчении. Но благодаря тому, что каждый ополченец имел коня и вооружался за собственный счет, он шел на войну только в том случае, если был лично заинтересован в этой войне. Прикрепление крестьян-ополченцев к начальникам отрядов имело целью заставить их по первому приказу отправляться на войну, затеянную в интересах господствующего класса. Аналогичное постановление относительно военной повинности всех свободных членов общества было записано в ясе Чингисхана, согласно которой воин не мог переходить из одного десятка в другой и из одной сотни в другую, а когда он уходил в ополчение, его семья должна была попрежнему уплачивать подати⁹⁵.

Значительная роль животноводства в хозяйстве крестьян и наличие коня у каждого ополченца определили то общее, что можно наблюдать в социально-экономических отношениях венгров и монголов (конечно, при всей глубине различия между преобладанием земледелия у первых и скотоводства у вторых): отсутствие барщины и повсеместное распространение продуктовой ренты, с одной стороны, и раннее закрепление всего крестьянства за начальниками отрядов и замков — с другой стороны.

Оба эти обстоятельства способствовали укреплению такого порядка, при котором феодальное государство обладало монопольной собственностью почти на всю землю страны, так как представители господствующего класса не могли в одиночку противостоять крестьянам, составлявшим конное ополчение. К тому же при низком уровне производительных сил венгерского общества XI—XII вв. представители господствующего класса не были заинтересованы в выделении земельной собственности, так как земледелие давало низкие урожаи и значительно более выгодным казалось взимание ренты с крестьянства теми продуктами, которые оно было в состоянии произвести путем использования разнообразных природных условий.

⁹³ S. Endlicher. *Mon Arg.*, p. 331, c. 34.

⁹⁴ A magyarorszag néprajza. Tárgyi néprajz. II, o. 166. (Этнография венгерского народа; Предметная этнография).

⁹⁵ См. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.-Л. 1950, стр. 107—112; см. также И. Петрушевский. К вопросу о прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества. «Вопросы истории». 1947, № 4, стр. 64—65, 69.